

Два взгляда на проблему межэтнических связей

Изучение традиционной культуры северных земель Восточно-Европейской равнины, по существу, и есть изучение историко-культурных связей большой группы финно-угорских и славянских этносов, заселяющих эти территории на протяжении многих веков. Активное движение научной мысли в области археологических, исторических, этнографических, фольклористических, лингвистических и прочих исследований представляет собой создание все новых и новых глав этого грандиозного исследования. Наряду с описательно-аналитическим сравнительный аспект осознания получаемых наукой на этом пути данных является и сердцевиной этого процесса, и одной из его постоянных направляющих.

В связи с этим при любом обращении к названной проблеме подход к ней должен быть сформулирован "с пристрастием", как можно точнее, в своей конкретной специфике. Проявления межэтнических взаимодействий в культуре этого региона столь многолики и столь плотно переплетены, что пренебрежение их корректным дистанцированием может привести как к поверхностным, так и просто ложным выводам.

В частности, в настоящее время нам не представляется целесообразной постановка проблемы межэтнических связей в традиционной культуре Карелии в обобщенном плане. Разумеется, это не говорит о "снятии" проблемы. Карелия и сейчас – страна десятков живых диалектов и наречий как коренных – русского и финно-угорских этносов, так и других населяющих ее народов. Тенденции к сближению, двуязычию, консолидации разных языковых потоков существуют, как существовали они и в предшествующие времена, но определяющими в современной культуре языкового общения они не являются.

Таково положение дел и в области традиционного музыкально-языкового общения с поправкой на яркое жанровое своеобразие карельских эпических мелодий, частушек, круговых песен, обрядовый характер интонирования редких уже теперь обрядовых песен и причитаний. Музыкально-диалектные и жанровые зоны певческой культуры русского населения Беломорской Карелии, Заонежья, Пудожья безошибочно идентифицируются и носителями традиции, и воспринимающей средой. Но если подобного рода межэтнические пересечения сознаются уже на уровне бытовых навыков и пристрастий, то к оценке полиэтнических взаимодействий в глубинных исторических пластах культуры не готово не только бытовое, но и научное сознание. Это мы и имеем в виду, заявляя о необходимости строго специфического обозначения таких аспектов проблемы межэтнических связей, которые сегодня могут открыть продуктивные пути для движения научной и художественной мысли.

Подчеркнем еще одну специфическую особенность положения проблемы межэтнических контактов в сфере науки Карелии: активная разработка постоянно и столь существенно меняет представления как об общекультурном полиэтническом рельефе Карелии, так и о его отдельных фрагментах, что внимание исследователей также должно сознательно ориентироваться на разные их сферы. Эта идея воплощается в последние годы в появлении, с одной стороны, таких фундаментальных трудов, как "Археология Карелии" (2000 г.), с другой – оригинальной серии исследований "Села Карелии". Здесь описание истории, форм быта и традиционной культуры небольшого локуса одного из исторических регионов Карелии выполняет роль своего рода призмы, высвечивающей и укрупняющей отдельные этапы истории и культуры края.

Предлагаемые нами в данной публикации подходы к освещению межэтнических связей, складывавшиеся на протяжении длительного времени, охватывают разные плоскости проблемы.

В процессе собирательской работы студенческих фольклорных экспедиций в Карелии и на сопредельных ей территориях мы ориентировались на тотальное стационарное обследование основных региональных традиций Карелии – карелоязычных Южной, Средней (Сегозерской) и Северной. Со временем работа развернулась и на землях с русскоязычным и двуязычным населением, охватив постепенно все земли бассейна Онежского озера. Зная, что финно-угорская подпочва является исторической основой всех местных традиций певческой культуры, собиратели многократно фиксировали все версии напевов всех жанров фольклора.

Один из эпизодов этой работы принес целый "букет" откровений. В шестидесяти километрах от Петрозаводска, в с. Спасская губа карелка А.М. Климова спела на русском языке причитание девушки-невесты. В этой мелодии сразу узнавался напев былин Рябиновых¹. Вскоре стало ясно, что мелодия эта – типовой напев карелоязычных причитаний. Еще несколько лет спустя ленинградский этномузыковед Е.Е. Васильева заявила о широком распространении этого мелодического типа у целого ряда прибалтийско-ско-финских народов с прикреплением к нему поэтических текстов разных жанров. Исследовательница нарисовала увлекательную перспективу дальнейшего выявления этого напева в культуре прибалтийско-финских народностей, которая позволила бы изучить на этом материале проблемы жанрообразования, стилеобразующие механизмы и т.д. К сожалению, дальнейшие шаги в этом направлении предприняты не были, и в научном обиходе удержалась одна дефиниция – "вепсская мелострофа"².

Это определение и до сих пор можно встретить в публикациях по прибалтийско-финскому музыкальному фольклору, хотя дальнейшие исследования показали, что, во-первых, "вепсской" эта мелодическая формула была названа по месту обнаружения и к характеристике вепсской культуры прямого отношения не имеет. Во-вторых, данная мелодия является одной из многочисленных модификаций повествовательной интонации "сказывания", сложившейся в традиционной культуре разных народов мира наряду с интонациями "возгласа", "плача".

Между тем, музыкально-речевые интонации этого типа – как музыкально-пластический “образ повествования” – на Севере Восточно-Европейской равнины получили многообразное воплощение: и мелодическое, и жанровое. Они предстают в напевах южнокарельских рун³; в ритуальной музыке обонежских русских и карельских свадеб – от напевов “прощальных” песен и причитаний до величальных и плясовых⁴; в повествовательных и причетных мелодиях народа коми; в рекрутских напевах сернурских мари и в южнодмуртских свадебных песнях.

Подобные наблюдения сомкнули в единую цепь результаты огромной работы по изданию памятников традиционной музыкальной культуры народа коми³, монументальных сводов “Памятников традиционной музыкальной культуры музыкального народа”⁶, многочисленных изданий песенного фольклора мари и созданию целой библиотеки публикаций, подготовленной УдмНИИ в 1995–2000 гг.⁷, а также помогли сформулировать задачи изучения межэтнических связей в музыкальной культуре народов, принадлежащих одной языковой семье. Это обстоятельство позволило снять долгое время звучавшее предостережение, что языковое родство есть всего лишь языковое родство. Не менее, но и не более того.

Итак, все перечисленные нами реалии существуют в огромном ареале, на географическом пространстве от Балтии до Приуралья, которое по целому ряду характеристик может быть определено как макроисторико-культурная макронеона в понимании, предложенном А.С. Гердом: “Как определенное ареальное единство, которое выделяется по данным этнографии, археологии, антропологии, языкознания, истории <...> а также ряда других наук о человеке. Историко-культурная зона (ИКЗ) складывается постепенно на определенной территории в условиях конкретного климата и ландшафта и определяется соответственно физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими и собственно географическими факторами <...> ИКЗ обладают высокой степенью устойчивости. Именно в рамках ИКЗ протекают процессы смешения и синтеза производственных, хозяйственных, языковых, этнографических компонентов. Каждая новая этническая трансформация не отвергает предшествующую культуру, а как бы вписывается, вживается и постепенно вырастает в нас. Народы приходят и уходят, меняются хозяйственные формы, исчезают археологические культуры и памятники, а ИКЗ остаются и от эпохи к эпохе обретают все большую стабильность и оформленность своего ареала иногда вплоть до административных границ”⁸.

Описание одного из таких типов историко-культурной зоны нам известно по книге карельского историка Д.В. Бубриха “Происхождение карельского народа”, очертившего, начиная с XI века основные пути расширения границ Новгородской Руси в направлении на восток. В движении на восток к Уральским горам участвовали многие из прибалтийско-финских племен – Емь, Водь, Волховская Чудь, Вель. Эти группы, и в особенности Вель, прокладывали пути для распространения русской государственности на северо-восток. “Неудивительно, – пишет Д.В. Бубрих, – что уже первые страницы летописи считают Новгородскими все северо-восточные земли до Урала”⁹. Добавим, что в середине 1-го тысячелетия н.э. вель установила связи с государством волжских булгар.

Процитированные строки из широко известного труда карельского историка проливают дополнительный свет на характеристику рассматриваемой историко-культурной зоны и ставят точки над i в спорах об этнической истории прибалто-финнов. Что касается исследования традиционной культуры, то здесь со временем может произойти полезный сдвиг от крайних оценок оппозиции “свое-чужое” к более углубленным трактовкам межкультурных и внутрикультурных процессов.

Итак, предложенный нами выше взгляд на связи в области культур, родственных в языковом отношении, можно условно определить как “историко-географический”, т.е. развертывающийся в историко-географическом пространстве в течение длительного исторического времени.

Между тем, исследования лингвистов предлагают еще один путь реконструкции ИКЗ, связанный “с восстановлением некоторых отдельных состояний как синхронных хронологических пластов, срезов. Каждое такое состояние представляет собой, – пишет А.С. Герд, – своеобразный историко-культурный тип (далее ИКТ) <...> ИКТ – модель конкретного состояния”¹⁰.

Это соображение позволяет провести опыт моделирования некоего исторического пласта-среза, которое способно гипотетически связать воедино целый ряд типологически сходных, но разведенных по территории современного бытования и этнической принадлежности явлений традиционной певческой культуры целого ряда народов Севера: саамов, русских и карел Беломорья, отдельных ареалов Вологодчины, вычегодских коми, архангельского Пинежья.

Уточним сказанное. Описанный ранее интонационно-повествовательный вокальный стереотип, вне сомнения, является музыкальным историко-культурным типом (ИКТ), формирование которого имело свои хронологические границы. Характер этого ИКТ свидетельствует, между тем, не столько об ареальной, сколько о региональной его природе с географически чрезвычайно широкими и хронологически “размытыми” границами. Об этом свидетельствуют, в частности, свободная ритмическая и мелодическая вариативность каждой его версии в каждом из ареалов его существования. Таковы, например, одиночные причитания¹¹.

Второй из представляемых нами ИКТ отмечен целым рядом специфических черт, комплекс которых может быть представлен как “жесткая” централизованная система.

Признаки этой системы таковы:

1. Так называемое узкорегистровое пение в объеме трех-четырёх звуков.

2. Стремительный темп интонирования, практически лишенный цезур, представляет безостановочный звуковой поток, так как три-четыре участвующих в пении мастера свободно владеют так называемым цепным дыханием.

3. Такое пение нельзя назвать унисонным, так как мелодическая линия как бы спонтанно расслаивается, образуя "пучки" и "узлы" звуков. Эти жесткие диссонантные созвучия имеют характерную тембровую окраску, культивируемую и охраняемую традицией.

4. Последнее из отмеченных качеств указывает на ритуальный характер такого рода пения, независимо от того сохранился ли в памяти носителей его сакральный смысл.

Можно предполагать, что централизующим компонентом такого рода пения являются его тембровая характерность и строгая ритмическая организация.

Попытка соотнести описанный мелодический тип с историко-культурным типом (ИКТ) "как суммой различных, хронологически относительно синхронных наиболее общих типов" продиктована рядом обстоятельств. Прежде всего – это детальная интонационно-ритмическая разработанность и четкая структурная оформленность всех групп напевов, что является свидетельством высокого уровня музыкального мышления. Далее существенна высокая степень владения поющими всем комплексом стилизованных выразительных средств, оформляющих, буквально структурирующих "звуковое пространство ритуала" – будь то пение в избе, храме или заклинательные песнопения на высоком берегу вскрывающейся по весне реки оказывающие существенное воздействие на состояние общины и природы.

Возвращаясь к размышлениям А.С. Герда о культурно-исторических типах, можно высказать предположение о том, что среди данных других наук уже, возможно, выявлены ИКТ, хронологически относительно синхронные эпохе консолидации северных этносов, создавшей столь высокие явления духовной культуры.

Возможно, за последние годы намечились и другие хронологические пласты в пределах изучаемой историко-культурной зоны, в которых содержится подсказка для дальнейших размышлений этномузыковедов.

Мы можем предложить читателю несколько нотных фрагментов, указав лишь на то, что места, где они были записаны, разделяют десятки и сотни километров. Для нас это еще одно доказательство того, что перед нами действительно некий историко-культурный тип, сложившийся некогда в хронологических рамках, которые по тем или иным обстоятельствам сблизил народы Севера – карел и русских Поморья (свадебное причитание села Нюхчи)¹², вычегодских коми¹³, север Вологодчины, архангельских пинежан, саамов Терского берега Белого моря.

Примечания

1 Песни Карельского края / Сост. и авт. вступ. ст. Т.В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977. № 91.

2 Васильева Е.Е. Вепсская мелострофа в международных отношениях причетной традиции // Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 1979. С. 125–130.

3 Карельские народные песни / Сост. и авт. ст. Л.М. Кершнер. М., 1962. № 10.

4 Васильева Е.Е. Указ. соч.

5 Коми народные песни / Сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Сыктывкар, 1966–1971.

6 Памятники мордовского народного музыкального искусства / Сост. Н.М. Бояркина. Т. 1. 1981; Т. 3. 1988.

7 Удмуртский фольклор: песни. 1995; 1996; 19991; 2000 и др.

8 Герд А.С. Этногенез и историческая география // *Philologia slavica*. 1993. С. 38.

9 Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 27.

10 Герд А.С. Указ. соч. С. 39.

11 Песни Карельского края. № 17–20.

12 Русская свадьба Карельского Поморья / Подгот. А.П. Разумова, Т.А. Коски. Петрозаводск, 1980.

13 Коми народные песни. Вып. 2

